

ДУША РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В «СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ»

Л. П. Типикина

THE SOUL OF THE RUSSIAN CULTURE IN THE "SILVER AGE"

L. P. Tipikina

В статье исследуется своеобразие души русской культуры на рубеже XIX – XX вв. Анализируются дефиниции «душа», «душа культуры», «душа русской культуры». Рассматриваются особенности души русской культуры, выделяемые в философских произведениях О. Шпенглера, Н. Бердяева, И. Ильина; и в поэтических текстах С. Есенина, В. Брюсова, А. Блока, Н. Гумилёва, М. Волошина, Б. Пастернака, М. Цветаевой, О. Мандельштама, Ф. Сологуба, В. Набокова, А. Ахматовой, К. Бальмонта. Душа русской культуры «серебряного века» многослойна, противоречива, многовекторна, неоднозначна. Ей свойственны как христианское смирение, так и языческое буйство; как безоглядная устремлённость в будущее, так и желание не потерять связь с «корнями»; как стремление к вечному, подлинному, так и растворение в мимолётном, иллюзорном; как обострённое чувствование несправедливости, так и потеря нравственных ориентиров; как стремление к вселенской гармонии, так и тяга к стихийной деструкции.

The paper the uniqueness of the soul of the Russian culture at the turn of the 19th – 20th centuries. The author analyses of the definition of 'soul', 'soul culture', 'the soul of the Russian culture' and discusses the features of the soul of the Russian culture allocated in the philosophical works of O. Spengler, N. Berdyaev, I. Ilyin; and in poetic texts by S. Esenin, V. Brusov, A. Block, N. Gumilev, M. Voloshin, B. Pasternak, M. Tsvetaeva, O. Mandelstam, F. Sologub, V. Nabokov, A. Akhmatova, K. Balmont. The soul of the Russian culture of the Silver Age is layered, contradictory, megaventory, ambiguous. It is characterized as Christian humility and pagan riot; as unconditional focus on the future and the desire not to lose touch with the 'roots'; the pursuit of the eternal, authentic, and dissolution in a fleeting, illusory; as a heightened feeling of injustice and the loss of moral values; as the quest for universal harmony and desire for natural degradation.

Ключевые слова: душа, культура, душа культуры, душа русской культуры, «серебряный век», философия, поэзия, противоречивость, христианское, языческое, вечное, мимолётное, божественное, человеческое, гармоничное, деструктивное.

Keywords: soul, culture, soul of culture, soul of the Russian culture, 'Silver Age', philosophy, poetry, contradictions, Christian, pagan, eternal, fleeting, divine, human, harmonious, destructive.

О. Шпенглер даёт определение культуры как символически выраженной смысловой целостности, в которой реализует себя душевная жизнь; культура – это форма ("язык", "образ"), объективация, "тело" души [18 с. 110, 258]. В основании культуры пребывает душа, предстающая «чувствилицем» (Аристотель), совокупностью религиозных, нравственных и эстетических переживаний. О. Шпенглер включает в научный оборот дефиницию "душа культуры", определяя её как "первообраз культуры", "освобожденный от всего затемняющего и незначительного" и лежащий в её основе [18, с. 167, 170]. Под «душой культуры» понимается нечто нематериальное, но запечатленное в особенностях живописи, музыки, архитектуры, поэзии, научного мышления. Она представляет собой "целостный микрокосм", стремящийся к самоосуществлению. Актуализируясь, «душа культуры» взаимодействует с трансцендентным. «Душа культуры» выражает себя через отношение к Богу, прошлому, смерти, космосу и месту человека в нём. В ней сфокусировано своеобразие человеческой жизни, ей свойственны целостность, процессуальность, открытость, творческий порыв, самораскрытие через символы исторической эпохи [11, с. 47 – 48].

К проблеме своеобразия «души» русской культуры на рубеже XIX – XX вв. обращались многие мыслители. Так, по мысли О. Шпенглера русская душа

«нравственно возвышает себя любовью к ближнему», не превозносит себя, не стремится к доминированию [18, с. 368, 489]. Она находится в стадии формирования, в мучительном творческом поиске; ее прасимволом является бесконечная равнина, выраженная в «мягких», округлых, «луковичных» куполах церквей; отсюда необъятность, безграничность, мягкость русской души.

Н. А. Бердяев обосновывает идею «антиномичности» русской души, которой свойственна огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. «Русский народ не был народом культуры... он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности... Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие» [3, с. 5]. Душе русской культуры свойственен «универсализм, всечеловечность, эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [3, с. 6]. В России преобладает женское начало, связанное с культом земли-матери и Богоматери. Для русской души характерна соборность, «единение людей между собой и всех вместе – с церковью». Человек – не самодостаточен, не должен замыкаться в самом

себе, ему необходим выход за собственные пределы – трансцендирование.

И. А. Ильин видит особенности души русской культуры в «мечтательном сердечном созерцании», в «духовной одаренности», делавшей душу щедрой, доброжелательной, отзывчивой на «чужую» боль. В русской культуре творящим актом является «сердечное видение и религиозно совестливый порыв»; она построена «на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы» [10, с. 180]. От природы русскому дана склонность к созерцанию, философскому вчувствованию реальных и духовных черт мира.

Особенности души русской культуры, зримо проявившиеся на рубеже XIX – XX вв., нашли глубокое выражение в поэзии. Для поэзии «серебряного века» (символистов, прежде всего) безграничность, бездонность внутреннего мира человека стала настоящим откровением. Поэзия заговорила голосом «мировой души», несущей в себе гармонию истины, добра и красоты: «...Тайные думы поэта / В сердце его прихотливом / Стали потоками света, / Стали шумящим приливом» [7, с. 46]. Или: «...Ибо путь комет – / Поэтов путь. Развешенные звенья / Причинности – вот связь его! Кверху лбом – / Отчаяйтесь! Поэтов за-тмения / Не предугаданы календарем...» [17, с. 34]. Поэзия «серебряного века» «открыла» нераздельность души человека как микрокосма и вселенной как макрокосма, сосредоточившись на неуловимых переходах-перетеканиях между ними: «...Адам был миром, мир же был Адам. / Он мыслит небом, думал облаками, / Он глиной плотствовал, растеньем рос, / Камнями костенел, зверел страстями, / Он видел солнцем, грезил сны луной, / Гудел планетами, дышал ветрами, / И было все – вверху, как и внизу – / Исполнено высоких соответствий...» [6, с. 81]. Эти же вселенские чувства русской души выразил Б. Пастернак: «И сады, и пруды, и ограды, / И кипящее белыми воплями / Мирозданье – лишь страсти-разряды, / Человеческим сердцем накопленные» [14, с. 72].

Это мироощущение не является особенностью только рубежа веков, оно выражалось и раньше, в частности, в творчестве Ф. И. Тютчева, которого А. Блок называл одним из предтеч русского символизма. «О вещая душа моя! / О сердце, полное тревоги, / О как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!.. / Так, ты – жилища двух миров...» [16, с. 57]. Но Ф. И. Тютчев только подступил к той бездне, в которой «хаос шевелится» и, ужаснувшись тому, что «нет преград меж ей и нами», завещал поэтам: «О, страшных песен сих не пой...», «О, бурь уснувших не буди...» [16, с. 91, 93]. Символисты же бесстрашно погрузились в эту бездну, черпая вдохновение из ее таинственных глубин, сквозь которые бытие представало как бесконечный поток, струение энергий. Эти энергии преображали все, к чему бы ни прикоснулась поэзия, выражая вечное устремление души к «несказанному», «нездешнему»: «...Чтобы сквозь сны бытийственных мечтаний, / Сбивающих с пути, / Сознаньем несказанных очертаний, / Как с факелом, пройти» [4, с. 45]. «О, я хочу безумно жить: / Все

сущее – увековечить, / Безличное – вочеловечить, / Несбывшееся – воплотить!..». [4, с. 88]. «...И снежные брызги влача за собой, / Мы летим в миллионы бездн... / Ты смотришь все той же пленной душой / В купол все тот же – звездный...» [4, с. 81].

Душа русской культуры «серебряного века» чувствует своё инобытие, родственную связь с трансцендентной реальностью, ностальгически влекущей к себе. «Так ринемся скорей из области томленья – / По мановению эфирного гонца – / В край, где слагаются заоблачные звенья / И башни высятся заочного дворца!..» [12, с. 36] «В хрустальный шар заключены мы были, / И мимо звезд летели мы с тобой, / Стремительно, безмолвно мы скользили / Из блеска в блеск блаженно-голубой. / И не было ни прошлого, ни цели; / Нас вечности восторг соединил; / По небесам, обнявшись, мы летели, / Ослеплены улыбками светил» [13, с. 45].

В стремлении постичь «тайну сущего», уловить, запечатлеть незримые нити, связующие микро и макрокосм, поэты избирают «местом встречи» двух миров Слово – и в его трансцендентной ипостаси (Слово-Логос), и как язык общения души человеческой с «душой мира». Именно Слово способно к выражению «несказуемого» смысла, именно оно стало многозначным посланием, духовной тайнописью, беспредельной в своем значении: «О, есть неповторимые слова, / Кто их сказал – истратил слишком много. / Неистощима только синева / Небесная и милосердье Бога» [1, с. 19].

Россия – страна Слова, но не любого, не слова вообще, а слова правдивого, праведного, совестливого, одухотворенного. Для России Слово – это колокол, будящий души; горная птица, прилетающая в мир дольний и забирающая с собой; «лестница», по которой можно добраться до Бога. Слово – теургичнее, чем дело, так как оно непосредственно взаимодействует с духовной реальностью. Оно – проводник, связующий души людей, непосредственно воздействующий на сущностное в человеке. Более адекватным для России «серебряного века» (и не только) является общение с миром на до/сверх/материальном, метафизическом уровне (молитва, звукопись, образ). Для выполнения теургической роли слову не обязательно быть «озвученным», достаточно быть «чистым», не отягощенным материей. Материализуясь (облекаясь в «одежды мира»), слово теряет надмирность, заземляется. Поэтому «мысль изреченная есть ложь» (Ф. И. Тютчев). И молитва и стихи – это путь к Великому Предвечному Молчанию. Внутреннего слова для душеделания достаточно. А русская культура – это, прежде всего, культура души. «В оный день, когда над миром новым / Бог склонял лицо свое, тогда / Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города. / ...Но забыли мы, что осияно / Только слово средь земных тревог, / И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что слово это Бог» [7, с. 78].

Жизнь души русской культуры «серебряного века» – бесконечный «поток», устремленный в Беспредельность. Выход в трансцендентное ощущается интуитивно, он, безусловно, существует, но не опреде-

ляется никаким понятием. Мир запредельный неясен, призрак, неуловим, но тем более притягателен – он манит, зовет, чарует, влечет: *«Я мечтою ловил уходящие тени, / Уходящие тени погасавшего дня, / Я на башню всходил, и дрожали ступени, / И дрожали ступени под ногой у меня. / И чем выше я шел, тем ясней рисовались, / Тем ясней рисовались очертанья вдали, / И какие-то звуки вокруг раздавались, / Вкруг меня раздавались от Небес и Земли...»* [2, с. 33]. *«Отворяются двери – там мерцанье, / И за ярким окошком – виденья. / Не знаю – и не скрою незнанья, / Но усну – и потекут сновиденья...»* [4, с. 79]. *«Там, в сияньи ясного Маира, / Все цветет, все радостно поет. / Там, в сияньи ясного Маира, / В колыханьи светлого эфира, / Мир иной таинственно живет...»* [15, с. 86].

Для души русской культуры «серебряного века» характерно космичное мироощущение. Дыхание Вечности трансформирует чувство пространства-времени: жизненное пространство отождествляется с пространством Космическим, где находит свой инобытийный, несущий отклик всего, чем живет человек на земле: *«Есть другие планеты, где ветры певучие тише, / Где небо бледнее, травы тоньше и выше, / Где прерывисто льются / Переменные светлы, / Но своей переменой только ласкают, смеются. / Есть иные планеты, / Где мы были когда-то, / Где мы будем потом...»* [2, с. 16]. Время «исчезает», либо растворяясь в бесконечном полете, либо сжимаясь в мгновение, отражающее в себе все сущее: *«Длятся часы, мировое несущие. / Ширятся звуки, движенье и свет. / Прошлое страстно глядится в грядущее. / Нет настоящего...»* [1, с. 6]. Особенность души русской культуры – устремленность в будущее, для которого настоящее предстаёт лишь «ступенькой». Настоящее ценно только как путь в будущее, тем самым настоящее теряет свою самоценность, а значит... и теряется из виду. Но будущее – некая эфемерность, в которой так легко затеряться. *«...Все говорит о беспредельном, / Все хочет нам помочь, / Как этот мир, лететь бесцельно / В сияющую ночь!...»* [4, с. 33].

С одной стороны, русская душа, будучи редко удовлетворённой настоящим, устремлена в будущее как в спасительную иллюзию отдохновения и воздаяния за слишком частые лишения («Ах, обмануть меня не сложно, я сам обманываться рад», – восклицал ещё А. С. Пушкин). С другой стороны, русская душа стремилась не потерять связь с «корнями». В статье «Быт и искусство» С. Есенин утверждает: «Все, что выходит из человека, рождает его потребности, из потребностей рождается быт, из быта же рождается искусство, которое имеет место в нашем представлении» [8, с. 81]. Местоположение русской души – между аполлоническим и дионисийским; христианским смирением и языческим буйством; миром, созданным Богом, и миром, созданным человеком; между «сладкой» иллюзией и взыскующими «корнями». С. Есенин усматривал важную особенность русской души в «двояком» отношении к действительности, в котором совмещалось наивно-идеалистическое и стихийно-материалистическое представления; уживались два мира: иллюзорный, религиозно-фантастический и

реальный, повседневно-бытовой. На пересечении религиозно-инобытийственного и обыденного сознания и возникло стремление объединить духовный и материальный миры, выразить одно явление через другое.

В трактате «Ключи Марии» поэт несколько раз говорит о «браке землян с небом». «Человек есть не больше, ни меньше, как чаша космических обособленностей», и наступает время, когда «опрокинутость землян сольется в браке с опрокинутостью неба». Поэтому небо у Есенина – это «голубая трава», «голубая пыль», «небесный песок», «конь, несущий ввысь запряженную землю, алмазная дверь, корова, рожающая золотого телка – солнце, колокол с языком месяца, ведро лазури, пролитое на землю, звездные нива и нажиты, прорастающие колосьями звезд, море, таящее звездный улов», власозвездная глава самого поэта. Поэт чувствовал себя странником, несущим на плечах «нецелованный мир» вселенной. *«Свят и мирен твой дар. / Синь и песня в речах. / И горит на плечах. / Необъемлемый шар! / Закинь его в небо. / Поставь на столпы! / Там лунного хлеба / Златятся снопы»* [9, с. 91].

Мир, по Есенину – это единство человека и космоса. «Нам является лик человека, завершаемый с обоих концов ногами. Ему уже нет пространства, а есть две тверди. Голова у него уже не верхняя точка, а точка центра, откуда ноги идут, как некое излучение» [8, с. 86]. Стремление к вселенской гармонии – важнейшее свойство русской души. Люди, животные, растения, вещи и стихи – дети единой матери – природы. В самой природе «между сосен, между елок, меж берез кудрявых бус» ему «мерещится Иисус» [9, с. 76]. Тот зовет его в «дуброви», что торжественно преображаются («И горит в парче лиловой Облаками крытый лес») [9, с. 112] и сходит на поэта «голубиный дух, Словно огненный язык», пророческое вдохновение, как когда-то благодать на апостолов. Сама природа в многообразии её стихий и тварей сокращается, предстает как храм, как Богоприрода.

В творчестве С. Есенина отразились религиозные сомнения конца XIX – начала XX веков. Размышляя о вселенской гармонии, он верил, что чудесное исцеление родит теперь в деревне еще более просветленное чувство новой жизни. Но воскрешение «забытых знаков» крестьянской жизни оказывалось невозможным, и «новая символическая черная ряса, очень похожая на приемы православия, которое заслонило своей чернотой свет солнца истины», оказалась слишком прочной и куда более черной. Гармония земли и неба, плоти и духа ожидалась в тот же час, когда «пахарь пробьет... окно не только глазком к Богу, а целым, огромным, как шар земной, глазом» [9, с. 116]. После «выплывывания изо рта» тела Христова (Причастия) и лая, обращенного к Богу-Отцу, вместо молитвы, никакого умиротворенного общения с Господом быть не могло. Язычник по своей природе, С. Есенин, жаждавший «рукой упругой повернуть весь мир», принимая на себя миссию апокалиптического ангела, обещал «божество живых» после столетий покаяния молитвы. Он обращался к Всевышнему, прося его не о приятии души в райские кущи, а о со-

шествии Его на грешную землю, дабы смыть с нее всю грязь, нечисть и сукровицу братоубийственного раздора.

Но «не человек – мера вещей, а мгновение...» [5, с. 61]. «Прошлое сброшу, пустую одежду; / Годы – что полки прочитанных книг! / Я это – ты, ныне вскинутый, между / «Было» и «будет» зажегшийся миг» [5, с. 88]. Живя, в большой мере, в мире кажимостей («всё наше сознание обманывает нас, перенося свои свойства, условия своей деятельности, на внешние предметы») [5, с. 92], душа русской культуры прорывается в подлинный мир именно в такой миг («Проступить сквозь атласную прорезь / Мига...») [5, с. 116]. Если же этот порыв есть, то происходит взаимообмен между бытием преходящим и бытием вечным, благодаря которому «все мы живём в вечности» [5, с. 93]. Вечность как подлинное время-место обитания не противопоставляется мигу как такому же континуальному по своей природе акту проникновения русской души в область вечного. Миг двойствен: он апеллирует и к вечности, и к личности, воплощая для неё акт самопостижения. В. Брюсов выражает смену

обычной шкалы ценностей на иную, в которой компоненты равнозначимы. С этой точки зрения, получает совершенно особый статус «уравнивание» различных объектов: «Неколебимой истине / Не верю я давно, / И все моря, все пристани / Люблю, люблю равно. / Хочу, чтоб всюду плавала / Свободная ладья, / И Господа и Дьявола / Хочу прославить я» [5, с. 354].

Мы видим, что душа русской культуры «серебряного века» многослойна, противоречива, многовекторна, неоднозначна. Ей свойственны как христианское смирение, так и языческое буйство; как безоглядная устремлённость в будущее, так и желание не потерять связь с «корнями»; как стремление к вечному, подлинному, так и растворение в мимолётном, иллюзорном; как обострённое чувство несправедливости, так и потеря нравственных ориентиров; как стремление к вселенской гармонии, так и тяга к стихийной деструкции... Сложнейшие переживания, происходившие в душе русской культуры, позволяют лучше понять драматизм бурных событий, захлестнувших Россию на рубеже XIX – XX веков.

Литература

1. Ахматова А. А. Стихотворения. Поэмы. М.: Дрофа, 2003. 368 с.
2. Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л., 1969. – 421 с.
3. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Эксмо, 2007. 76 с.
4. Блок А. А. Стихотворения и поэмы. М.: Правда, 1978. 298 с.
5. Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1961. 261 с.
6. Волошин М. Избранные стихотворения. М.: Советская Россия, 1988. 384 с.
7. Гумилев Н. Собр. соч.: в 4-х т. Т. 1. Вашингтон: Kamkin, 1962. 234 с.
8. Есенин С. Собр. соч.: в 5-ти т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1962. 561 с.
9. Есенин С. Стихотворения и поэмы. М.: Профиздат, 2009. 356 с.
10. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. М.: Русская книга – XXI век, 2007. 472 с.
11. Казаков Е. Ф. Душа европейского человека. Кемерово, 2012. 424 с.
12. Мандельштам О. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1973. 301 с.
13. Набоков В. Тень русской ветки. Стихотворения, проза, воспоминания. М.: Эксмо-пресс, 2000. 297 с.
14. Пастернак Б. Л. Избранное: в 2-х т. Т. 1. М., 1985. 623 с.
15. Сологуб Ф. Стихотворения. М.: Академический проект, 2000. 680 с.
16. Тютчев Ф. И. Избранная лирика. М., 1988. 322 с.
17. Цветаева М. Молитва. Стихотворения. Харьков: Фолио, 2009. 276 с.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.

Информация об авторе:

Типикина Лариса Петровна – аспирант кафедры философии КемГУ, преподаватель Кемеровского музыкального колледжа, carbinar@mail.ru.

Larisa P. Tipikina – post-graduate student at the Department of Philosophy, Kemerovo State University; teacher at Kemerovo Music College.

(**Научный руководитель: Казаков Евгений Фёдорович** – доктор культурологии, профессор кафедры философии КемГУ, kemcitykazakov@mail.ru.

Research advisor: Evgeniy F. Kazakov – Doctor of Culturology, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 31.03.2015 г.